

ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРГИЙ
РАДОНЕЖСКИЙ

ИГУМЕН
ЗЕМЛИ
РУССКОЙ

Нина Малахова

**Преподобный Сергей
Радонежский. Игумен
земли Русской**

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2014

УДК 271.2-788-055.1
ББК 86.372

Малахова Н. П.

Преподобный Сергей Радонежский. Игумен земли Русской /
Н. П. Малахова — «Московское Троицкое Подворье Свято-
Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2014

ISBN 978-5-7789-0295-4

Эта книга – о жизни преподобного Сергия Радонежского, о его монашеском подвиге и том великом деле, которое призвал его Господь совершить на Руси. Эта книга – о том времени, когда преподобный Сергей и его ученики в Радонежской глуши творили молитву и жили по законам Божией любви: любви, с которой началось духовное возрождение Руси. Эта книга – о великом наследии преподобного Сергия. О великой Лавре, ставшей духовным сердцем и непоколебимым оплотом России. И о Московском подворье – духовном острове в центре столичной жизни. Эта книга – подарок к 700-летию со дня рождения Преподобного.

УДК 271.2-788-055.1

ББК 86.372

© Малахова Н. П., 2014

© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2014

ISBN 978-5-7789-0295-4

Содержание

От автора	10
Глава 1	11
Время преподобного Сергия	12
За сто лет до рождения Преподобного	12
Нашествие Бату-хана	17
Иго	22
Преодоление тьмы	26
От святого кормя	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Нина Малахова

Преподобный Сергей Радонежский.

Игумен земли Русской

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИСП 14-406-0560*

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II:

«...Шесть веков прошло с тех пор, как угасла земная жизнь этого великого и тихого старца, светильника веры и благочестия. И чем дальше в стремительном беге времени удаляются от нас его век и его дела, тем таинственнее и величественнее становится его образ, его высокие и светлые черты, его судьбоносная для наших народов святость...

Высоким умом и чистым сердцем преподобный Сергей созерцал Бога. И в Боге он видел каждого приходившего к нему человека.

Он созерцал свой народ пред лицом Божиим, созерцал его душу, его талант, его историю. Созерцание было его предстоянием перед Богом, его молитвой, его пламенным желанием служить народу. И он служил ему, его утешению, ободрению, возвышению. Он молился о своем народе, чтобы в замысле Божиим народ остался на высоте своего призвания, верным в принятии даров Божественной благодати...

Благоговейно почитаемый всем народом, преподобный Сергей был обращен к нему своей всеприемлющей душой. Его призвание состояло в том, чтобы принять душу ближнего во всей ее глубине, во всех ее веками сформировавшихся особенностях и помочь каждому человеку преодолеть падение и соблазн. Своей святой и высокой жизнью он совершал в умах и сердцах своих современников глубокую нравственную и мировоззренческую переменную, которую в народе называли чудом. Это и было чудо. Совершалось духовное возрождение народа, творилось нравственное преображение Руси, подготовившее собой в последующие века культурное и государственное возвышение его земного Отечества.

Подвигом своей жизни преподобный Сергей освятил и благословил то, что веками создавало и формировало национальный характер, созидаемый Церковью, семьей, всем образом

жизни человека. В то время, когда народ наш был подавлен чужеземным игом и разорен внутренним раздором, Преподобный вдохнул в него действенную любовь к родине и веру в ее историческое призвание. Он укрепил Русь в уверенности, что духовное начало и есть главное в жизни, что без этого начала жизнь и смерть теряют свой смысл и значение. В его лице народ коснулся высшей ангельской праведности, и этого прикосновения было достаточно для обретения необходимых ему нравственных сил.

Влияние преподобного Сергия и круга его учеников на духовную жизнь Московской Руси имело поистине грандиозное по своим культурным и историческим последствиям значение. Русь поднялась на новую ступень в своем миропонимании и развитии. Это стало решающей предпосылкой расцвета искусства и подъема национального самосознания, определившего политическое возвышение Московского государства. Художественная культура Московской Руси явилась во многих отношениях вершиной современной восточно-христианской культуры. В творческом делании, в духовном обновлении росло и созидалось могучее Российское государство, объединенное, скрепленное и одушевленное единым духом святой православной веры.

Крушение России в революции последовало и потому, что многие соотечественники, наследники богатых заветов святого Сергия, утратили Бога в сердцах и делах, погасили в себе огонь, растеряли искры святости и добра и разрушили нравственные основы своей жизни. В сознании общества было искажено должное отношение к национальному вопросу, и в итоге народы, веками объединенные в Российском государстве, были доведены до глубокого взаимного недоверия и стихийной вражды.

Путь к возрождению России лежит через нравственное обновление всех входящих в нее народов, выросших в колыбели российской культуры и под сенью российской государственности. Эти народы самым ходом исторического развития призваны вместе трудиться ради общего блага. Они строили Россию в прошлом. Они призваны строить ее и в настоящем, и в будущем. От прежних исторических корней должна явиться новая Россия с новым политическим и культурным строительством, с новым, одухотворенным пониманием человека...

В наше время, время раздоров, ожесточения и разорения, мы должны помнить о благодатных заветах преподобного Сергия и вступить на утерянную нами стезю духовного и нравственного совершенствования. В новом созидании, в духовном подвиге и нравственном очищении должно совершиться возрождение наших народов. Оно должно произойти в умах и сердцах наших соотечественников, в их мировоззрении, в их творчестве. Народу – наследнику великого служителя Святой Троицы не суждено быть отверженным от своего высокого предназначения.

Взирая на образ и служение преподобного Сергия, обращая к нему наши молитвы и воздыхания, мы, в сознании нашей общей причастности к делу Божию, призваны преодолеть нашу немощь и не достоинство. Тогда снова, как в эпоху преподобного Сергия, наш народ соберет все свои силы и явит миру свой лик, красоту и мощь своего духовного, культурного и творческого призвания. Ибо другого, более высокого и достойного служения в истории земного человечеству не дано»¹.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и Священный Синод Русской Православной Церкви:

---

¹ *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси.* Доклад на Торжественном акте, посвященном 600-летию со дня преставления преподобного Сергия Радонежского (6 октября 1992 года) // Библиотека (интернет-издательство) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/libraiy/A1exy/a1exy416.htm> (дата обращения: 20.05.2014).

«В нынешнем 2014 году исполняется 700 лет со дня рождения великого подвижника благочестия, светильника веры и преславного угодника Божия – преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, дивного чудотворца.

Блаженный Епифаний Премудрый, автор жития аввы Сергия, свидетельствует, что описать все духовные дарования и чудотворения этого святого невозможно, ибо они совершаются доныне.

Действительно: каждый православный христианин знает и любит Радонежского чудотворца, благоговеет перед его памятью и почитает духовное наследие Преподобного. <...> И по сей день не оскудевает поток богомольцев, которые приходят из разных стран, городов и весей, дабы поклониться честным мощам угодника Христова, почивающим в стенах основанного им монастыря – Троице-Сергиевой Лавры, стоящей на высоком Маковском холме, помнящем деяния и самого начальника здешних подвижников. <...>

Будучи образцом незлобия и скромности, преподобный Радонежский игумен, который не искал славы человеческой, был возвеличен Самим Богом, сказавшим Своим ученикам: *Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14).

Ему, смиренному труженику на ниве Господней, всегда избегавшему почестей и знаков власти, как светской, так и церковной, а также и его монастырю Промыслом Вседержителя было уготовано стать центром важнейших событий эпохи – событий, на века определивших судьбу нашего народа и всей нашей земли. <...>

Еще при своей жизни Радонежский игумен становится Игуменом всей Русской земли, общенациональным духовным лидером, великим старцем, к ногам которого припадают и князья, и бояре, и священнослужители, и купцы, и простые крестьяне. Всех он объедает своей любовью, всем готов уделить от той *мудрости, которая нисходит свыше* (см.: Иак. 3, 17). <...>

Духовная традиция русского монашества, во многом сформированная под влиянием святого Сергия Радонежского, дала обильные плоды на ниве Господней. и в ликах преподобных мужей и жен последующих веков, старцев Оптиной пустыни, Саровской обители и многих других подвижников сияет все тот же кроткий свет благодати Божией, который так хорошо знаком православным христианам нашего Отечества по иконописным изображениям аввы Сергия. Его духовными наследниками призваны быть и мы с вами. Нам надлежит стремиться к стяжанию той любви к Богу и ближним, той кротости, незлобия и трудолюбия, которые явлены нам Преподобным.

Как духовное завещание святого звучат ныне его слова, донесенные до нас благочестивым преданием: “Любовью и единением спасемся”. Это назидание особенно актуально сегодня. Мы – наследники Святой Руси, проживающие в разных государствах, но имеющие общую веру, историю и культуру, – призваны Богом к высокой ответственности за сохранение бесценного сокровища православной традиции, принятой нами от предков. Мы призваны делом и самой жизнью являть *единство духа в союзе мира* (Еф. 4, 3), противостоя розни века сего.

Даже в самые непростые эпохи, времена тяжких испытаний и великих скорбей, Игумен земли Русской остается для всех взыскивающих его помощи верным маяком в бушующем море житейских страстей, источником утешения и надежды на всеблагодатный Промысл Господень, действующий одному Ему ведомыми путями в судьбе каждого человека и целых народов.

Не оставит он всех духовных чад своих и ныне, и во все последующие эпохи. Совершая хвалебное пение великому подвижнику Церкви Православной, будем помнить слова святого Епифания Премудрого, начертанные им в житии Преподобного: “Мы восхваляем святого Сергия не потому, что он нуждается в похвале, но потому, что он молится за нас, подражая во всем пострадавшему за нас Христу”. Будем возносить к нему свои сердечные воздыхания, уповая, что по его ходатайству Всещедрый Спаситель мира сподобит нас “в день Страшного Суда шуия части избавитися, десныя же страны общники быти и блаженный оный глас Владыки Христа

услышати: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира” (Молитва преподобному Сергию Радонежскому)»².

В.О. Ключевский, профессор, историк:

«...Современным, засохшим в абстракциях и схемах языком трудно изобразить живые, глубоко сокрытые движения верующей народной души. В эту душу глубоко запало какое-то сильное и светлое впечатление, произведенное когда-то одним человеком и произведенное неуловимыми, бесшумными нравственными средствами, про которые не знаешь, что и рассказать, как не находишь слов для передачи иного светлого и ободряющего, хотя молчаливого взгляда. Виновник впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности, оставив скудные остатки в монастырской ризнице да источник, изведенный его молитвою, а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его. Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения – вот в чем состояло это впечатление.

Примером своей жизни, высотой своего духа преподобный Сергий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна. Так думали тогда все на Руси, и это мнение разделял православный Восток, подобно тому цареградскому епископу, который, по рассказу Сергиева жизнеописателя, приехав в Москву и слыша повсюду толки о великом русском подвижнике, с удивлением восклицал: “Како может в сих странах таков светильник явиться?”. Преподобный Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, *сидевших во тьме и сени смертной*, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня – такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник – вера.

Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обиходные средства народной жизни.

Впечатление людей XIV века становилось верованием поколений. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они возводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники. Так духовное влияние преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа. Это имя сохранило силу непосредственного личного впечатления, какое производил Преподобный на современников; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнеть историческое воспоминание, заменяясь церковной памятью, которая превращала это впечатление в привычное, поднимающее дух настроение. Так теплота ощущается долго после того, как погаснет ее источник. Этим

---

² Послание Святейшего Патриарха Кирилла и Священного Синода архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви в связи с 700-летием рождения святого преподобного Сергия Радонежского (25–26 декабря 2013 года) // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московской Патриархии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3480970.html> (дата обращения: 20.05.2014).

настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок.

При имени преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило – самые драгоценные вклады преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятьми срастается нравственное чувство народа; они – его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них – оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры преподобного Сергия затворятся и лампы над его гробницей погаснут только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его»³.

---

³ *Ключевский В. О.* Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства (Речь на Торжественном акте, посвященном 500-летию со дня преставления преподобного Сергия Радонежского) // *Жизнь и житие Сергия Радонежского* / Сост., поел. и комм. В.В. Колесова. М., 1991. С. 270–272.

От автора

Так на протяжении последних ста с небольшим лет Церковь не раз свидетельствовала о совершенно особой роли преподобного Сергия Радонежского в истории формирования и развития нравственно-религиозного, государственного и политического облика России, жизни народов, живущих в ней, на всех уровнях ее проявления – от частной жизни отдельного человека до тектонических движений народных масс в критические периоды истории страны. И тому лучшее доказательство – нескончаемый поток паломников к его раке, к его святым мощам. С первых дней после праведной кончины Преподобного потекла к стенам Троицкой обители река, не обозначенная ни на каких географических картах, – людская, многоликая, из многих и многих почитателей святого старца составившаяся. И чем больше проходило времени, тем полноводнее эта река становилась, ибо со всех концов земли Русской, а потом и со всего мира приходили и приходят паломники поклониться гробу Радонежского чудотворца.

Вокруг Лавры преподобного Сергия раскинулся многолюдный город – Сергиев Посад, Сергиев город. Он живет своей шумной и многообразной жизнью, а за могучими стенами обители совершенно иной мир: мир Божий, мир молитвы, мир радости и душевного покоя – мир преподобного Сергия. Святые мощи его покоятся в серебряной раке, установленной в древнем Троицком соборе, воздвигнутом вскоре после кончины великого святого в его память. Люди приходят поклониться Преподобному, испросить его благословения, поведать ему свои скорби и нужды, попросить помощи, укрепить душу миром и покоем. Приходят с надеждой и верой, потому что знают: услышит Преподобный каждую молитву, каждый вздох скорбящей души и подаст помощь и утешение.

И вера эта не напрасна. Каждого пришельца, кто бы он ни был – государственный муж, видный общественный деятель, знаменитый артист или писатель, скромный труженик или бездомный нищий, – незримо встретит святой первоначальник Великой Лавры и одарит радостью и благословением. И по этой радости, вдруг озарившей душу, познает каждый пришедший несомненное присутствие Преподобного здесь и сейчас, на этой вот святой земле, до которой Господь сподобил его добраться. И память об этих благодатных минутах останется в сердце неотъемлемой частью его жизни и будет звать снова и снова сюда, в Дом Живоначальной Троицы, к гробу Ее смиренного служителя.

Книга эта – о жизни преподобного Сергия, о его монашеском подвиге, о том великом деле, которое призвал его Господь совершить на Руси, дабы исполнилась над этой землей, истерзанной вековым монголо-татарским игом, Его святой волей и стала эта земля могучим Государством Российским, твердыней веры православной.

Книга эта – о том времени, когда преподобный Сергий и его ученики в глухой Радонежской глуши смиренно творили молитву и жили по законам высшей правды – правды Божией и любви, преодолевающей «страх ненавистной розни мира сего». От лампы, возжженной в малой лесной обители, разгорелась душа народная любовью к Богу, к ближнему, к родной земле, к заповеди Христовой о любви, высшей мерой которой является готовность *душу свою положить за други своя* (ср.: Ин. 15, 13). С этой любви начиналось на Руси духовное Возрождение, в отличие от Запада, который признал мерой вещей человека.

Книга эта – о великом наследии преподобного Сергия: его обители, ставшей Великой Лаврой, духовным сердцем России, неколебимым оплотом православной веры.

В меру своих скромных сил мы пытались рассказать обо всем этом так, чтобы слова В.О. Ключевского и Святейших Патриархов Алексия II и Кирилла раскрылись в реалиях исторического времени и стали частью души, приобщившейся к тайне смиренного и тихого старца – великого святого, служителя Святой Троицы, Игумена земли Русской, ее печальника, молитвенника и заступника.

Глава 1

Преподобный Сергий и его эпоха

Время преподобного Сергия

За сто лет до рождения Преподобного

Преподобный Сергий Радонежский родился предположительно 3 мая (16 мая по новому стилю) 1314 года. Время было трудное и по видимости беспросветное. Без малого сто лет отделяли год рождения святого от страшного 1238 года, когда нашествие Бату-хана оставило на месте цветущей и набиравшей силу Руси груды развалин и горы трупов.

К этому трагическому итогу домонгольского периода своей истории Древняя Русь шла долго: если считать с года крещения Руси (988) – в течение почти двух с половиной веков. А ведь и до крещения русичей в Киевской купели существовало Русское государство, уже «болевшее» теми же болезнями, которые свели на нет его могущество. Суть этих «болезней» заклю-

чалась в междоусобных, братоубийственных войнах, погоне за честью и богатством, нелюбви к ближнему, отступлении от заповедей Божиих. Причины «болезни» коренились в самом устройении Киевской Руси. Отношения между князьями определялись так называемым родовым правом. Вся земля считалась собственностью всего рода, каждый князь «сидел» в своем уделе, но обязан был исполнять волю великого князя Киевского, которым после смерти почившего князя становился самый старший в роду. Великий князь считался верховным распорядителем и правителем Киевской Руси. С годами род Рюриковичей все более разрастался, удельные отношения становились все более запутанными. Порядок наследования «золотого Киевского стола» нарушался все чаще. Все чаще нападали на Киев степняки (сначала печенеги, потом половцы), которые нередко становились третьей стороной в междоусобной брани и имели с того немалую выгоду. Ведь войны велись не только за честь, но и за добычу, а добычей становились города, уделы и пленники, которых победители обращали в рабов и везли на невольничьи рынки в Константинополь. Оттого так редки были в то время на Руси периоды мира и тишины.

В начале XII века великим князем Киевским в обход права князей старшего рода стал один из самых выдающихся героев русской истории – Владимир Мономах. Сам он этой чести и власти не добивался, уважая право старшего в роду, но бесконечные смуты заставили киевское вече в 1113 году пригласить шестидесятилетнего Владимира Всеволодовича на великое княжение. Мономах правил двенадцать лет, после него почти семь лет правил его сын – Мстислав Великий.

Вел. кн. Владимир Всеволодович Мономах.

Рис. из Титулярника 1672 г.

Это был лучший период в истории южной, Киевской Руси, объединившейся под сильной рукой мудрого государственного деятеля. Однако сразу же после смерти Мстислава Великого снова начались междоусобицы. Великие князья в Киеве сменялись как в калейдоскопе. По всей Руси воевали мономаховичи с ольговичами, старшие мономаховичи – с младшими, в борьбу вмешивались и поддерживали то одну, то другую сторону князя из других княжеских кланов. Эта борьба, в которой не редкостью было приглашение на помощь половцев (с которыми к тому же роднились многие русские князья), вконец истощила южную Русь, и она уже никогда не вернула себе лидерства в общерусских делах.

На смену Киевской Руси поднималась Русь Северо-Восточная, отделенная от юга густыми, труднопроходимыми лесами, оттого часто называвшаяся Залесской, а по городу, который был центром плодородного безлесного края – ополья, эту Русь южане называли еще Суждалью. Поначалу этот край входил в состав Ростовского княжества, которое в середине XII века называлось уже Ростово-Суздальским. При князе Юрии Владимировиче Долгоруком, одном из младших сыновей Владимира Мономаха, княжество стало самостоятельным, а до того времени оно было как бы придатком к великому княжению. Край был богатый и привольный – плодородные почвы, богатые рыбой реки, вполне пригодные и для судоходства, заливные луга, леса, полные почти непуганого зверя, запасы железа, известняка манили сюда переселенцев с далекого юга, все больше и больше опустошавшегося междоусобными войнами и набегами кочевников.

Вел. кн. Юрий Владимирович Долгорукий.

Рис. из Титулярника 1672 г.

Князь Юрий Владимирович мало интересовался своей вотчиной, его манил златоглавый Киев, за который он вел долгую и неудачную войну со своим племянником, великим князем Изяславом Мстиславичем, сыном Мстислава Великого. Юрия Владимировича современники прозвали Долгоруким, оттого что из своего залесного захолустья он тянул свою длинную руку к Киевскому золотому столу, с этим прозвищем он и вошел в историю. Однако война требовала средств, и Юрию Владимировичу пришлось заняться обустройством своего удела. Он стал активно заселять свои земли переселенцами, давая им надельные земли и немалые ссуды. Для укрепления границ на случай войн с южными соседями и поволжскими булгарами, которые в это время часто тревожили русские пределы своими набегами, князь построил новые города, в числе которых была и Москва.

Юрий Долгорукий намечал стратегически важные места для строительства городов и давал указания о переселенческой политике, так как управленческих забот не любил, предпочитая им военные походы на юг и шумные пиры. Строил города, а в их числе и Москву, встречал, расселял и обустроивал переселенцев его старший (из оставшихся к тому времени в живых) сын – князь Андрей Юрьевич, святой благоверный князь Андрей Боголюбский. От отца в удел он получил небольшой, незначительный, как тогда говорили – «мизинный» городок Владимир, но в отсутствие отца, по сути, правил всем княжеством. Он был совсем не похож

на отца в том, что касалось войны и мира, отношения к своему северному краю, который он любил пламенной, какой-то даже неистовой любовью. Он был одним из лучших воинов своего времени, рассказы о его безудержной отваге передают летописцы. Однако войны он не любил, и как только заканчивался очередной поход (как правило, поражением Юрия Владимировича), он призывал отца к заключению мира и уговаривал его вернуться домой, смириться и не множить зла.

А. Васнецов. Основание Кремля. Постройка новых стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 г.

Князь Андрей Юрьевич любил мирный, созидательный труд, любил охоту, любил скакать из города в город, из веси в весь, чтобы присмотреть, как идет строительство, как трудятся переселенцы на новом месте, любил плыть по раздольной Клязьме и смотреть на неброскую, неяркую, но до сердечного трепета любимую красоту северного края. Но больше всего этого он любил молитву. Молился он и в церкви, и дома, и в пылу сражения. Он знал Священное Писание и не раз поражал современников тем, что цитировал его в беседах. Знал церковный устав и месяцелов, так что на память мог сказать, какому святому творится в Церкви память в тот или иной день. Любовь к Пресвятой Богородице и к Богу и стремление служить Ему своей жизнью были, пожалуй, самой главной, определяющей чертой князя Андрея Юрьевича. И Господь избрал его орудием Своего благого Промысла о Русской земле.

В 1155 году тайно от отца князь Андрей Юрьевич ушел из Вышгорода, где приказал ему сидеть Юрий Долгорукий после того как стал, наконец, великим князем Киевским. Молодой князь унес с собой икону Пресвятой Богородицы, присланную князю Мстиславу Великому из Константинополя в ИЗО году. Икона эта стала небесным благословением России, ее священным знаменем, видимым знаком того, что Царица Небесная приняла Русь под Свой державный покров. Князь по воле Пресвятой Девы не повез икону в Ростов, свой стольный город, а учредил для нее новую столицу – расширил, укрепил и украсил Владимир, в котором поставил дивной красоты собор. С тех пор икона зовется на Руси Владимирской, а Успенский собор стоит на высоком берегу Клязьмы, напоминая нам о священном долге служения Небу на земле.

Князь стал первостроителем Государства Российского, которое он отдал под державный покров Пресвятой Богородицы. Он был первым русским Государем, который правил единодержавно, твердо держа под своей рукой не только свое княжество, но и сопредельные земли. Новгород и Киев покорились ему, без его воли не совершалось ничего важного и в других княжествах. Безвременная его гибель в 1174 году в результате дворцового заговора поставила под угрозу дело всей его жизни, но Господь воздвиг на его место нового делателя – его кров-

ного брата Всеволода Юрьевича (1176–1212), который вошел в историю с прозвищем Большое Шездо, так как имел восемь сыновей и трех дочерей.

Владимирская икона Божией Матери

При Всеволоде Юрьевиче единство Северо-Восточной Руси еще более утвердилось, она превратилась в крупнейшую европейскую державу, помериться силами с которой за все тридцать шесть лет его правления никто не рискнул, и Русь наслаждалась тишиной и миром, не подозревая, что закат наступит всего через тридцать лет. Первые признаки надвигающейся грозы появились сразу после смерти Всеволода Юрьевича. Смута и междоусобица пришли и на Владимиро-Суздальскую землю. Князь Константин Всеволодович, старший сын Всеволода Большое Гнездо, не смирился с последней волей отца, отдавшего великое княжение второму сыну, Георгию. Дело в том, что Константин, «сидевший» в Ростове, хотел вернуть этому городу достоинство столицы Северо-Восточной Руси. Он был большой умница, один из первых русских книжников, собирал рукописи по всему православному миру; из его библиотеки в основанном им Григорьевом монастыре началось просвещение северной Руси. А вот дела правления он полностью передоверил ростовским боярам, которые при внешней лояльности по отношению к князьям Андрею, а затем и Всеволоду, втайне были врагами всему делу князей-государственников. Их идеалом был Господин Великий Новгород, новгородская вольница. Все дела в Новгороде решало вече, князя призывало и поставляло тоже вече, ограничив его функции защитой границ и поддержанием порядка. Победа партии ростовских бояр означала бы конец процесса объединения русских земель и дробление Владимиро-Суздальского княжества по образцу Киевской Руси.

Вел. кн. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Рис. из Титулярника 1672 г.

Междоусобная брань продолжалась несколько лет и закончилась победой Константина. К чести этого святого князя, оставившего по себе память не только своей книжностью, но и храмоздательством, он остался княжить во Владимире (1216–1218). Княжил он недолго, так как был неизлечимо болен и умер, едва дожив до 33 лет. После него великим князем снова стал Георгий Всеволодович, которому выпал тяжкий жребий встретить Батыеву рать и сложить голову в неравной битве. Великий князь Георгий Всеволодович был, безусловно, продолжателем объединительной политики святого князя Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, но, по всей видимости, не обладал теми политическими талантами и политическим чутьем, которые были присущи его предшественникам. За повседневными управленческими делами он не расслышал грозного гула грядущей бури.

Нашествие Бату-хана

Неисповедимы пути Господни, и история иногда поражает нас странными совпадениями. Первый признак грядущей исторической катастрофы, уничтожившей некоторые народы, стершей с исторической карты целые государства, круто изменившей привычное соотношение сил в мире, проявился на Востоке, в далекой Монголии. В то самое время (1155), когда святой Андрей Боголюбский задумывал создание новой своей столицы и объединения северо-восточных княжеств, вынашивал планы тайного ухода из Киева в свой любимый северный край, в семье могущественного монгольского феодала, стоявшего во главе нескольких воинственных монгольских племен, Есугея, родился мальчик, которому дали имя Темучэн (Темуджен, Темучин). Поначалу судьба была не особо милостива к Темучэну, словно испытывая его на прочность. Будущий завоеватель половины мира испытание выдержал, возмужал в опасной борьбе и подчинил себе все монгольские и татарские племена. В 1204–1205 годах курултай (съезд племенных вождей) провозгласил его великим хаганом – так в мир явился Чингисхан, основавший Монгольскую империю. Это государство не было похоже ни на одно из европейских или азиатских государств. Созданное на родоплеменной основе, оно крепко спаивалось единоличной, непререкаемой и неоспоримой властью верховного правителя. Железная дисциплина поддерживалась страхом смерти, которая была единственным наказанием за любую серьезную

провинность, причем за бегство с поля боя казнили всю семью. К 1222 году практически вся Азия, от Китая до Кавказа, признала власть Чингисхана.

Чингисхан

В 1223 году два передовых корпуса монгольского войска под командованием молодого Джебэ и старого и опытного Субедэ, разгромив половцев, вольно расположились в приазовских степях и подошли к берегам Калки...

Лучник монгольской армии XIII в.

Русских князей появление монгольских отрядов не испугало – мало ли, какие народы выходили в Степь из далеких восточных стран, – Божией милостью со всеми справились. Однако все же собрали в Киеве съезд князей, на котором всеми делами заправляли три Мстислава – Мстислав Мстиславич Удатный, княживший в Галиче, Мстислав Романович, княживший в Киеве, Черниговский Мстислав Святославич – и Владимир-Волынский князь Даниил Романович, славившийся своим воинским искусством и удалью. Князя Георгия Всеволодовича тоже позвали на съезд, но он из своего стольного града не поехал, пообещав прислать полк на подмогу. Между тем из половецкой степи пришел отчаянный зов о помощи. Половецкий хан Котян, который доводился тестем Мстиславу Мстиславичу, просил у зятя подмоги против вторгшихся в его пределы отрядов Джебэ и Субедэ. «Нашу землю суть днесь отняли, – писал хан, – а вашу завтра, пришедше, возьмут». Однако князья, собиравшиеся в поход, похоже,

готовы были шапками закидать незваных пришельцев, потому что и в походе каждый из них мечтал о своей единоличной славе победителя новых пришельцев. Самоуверенность и небрежность русских князей привели к тому, что они легко поддались на нехитрый маневр монголов: приняв их малочисленные разведотряды за основное войско, князья окончательно рассорились между собой и расстроили боевой порядок. Стремительно продвигаясь по приазовским степям, они нестройными отрядами вышли на берег Калки – и увидели перед собой несметные полчища противника. Поражение было сокрушительным, русские отряды были перебиты, шестеро князей во главе с Мстиславом Киевским попали в плен, смерть их была ужасна: их связали по рукам и ногам и бросили на землю, поверх них сделали настил из досок, на котором пировали победители. Мстислав Удатный и Даниил Романович с малой дружиной едва спаслись бегством.

П. Рыженко. Калка

Это страшное поражение ничему не научило русских князей. Усобицы продолжались, и никто из них не внял Божью предупреждению. А Чингисхан продолжал расширять и укреплять свои владения. Старейший завоеватель поделил империю между своими сыновьями. Западная часть огромной империи досталась старшему сыну Чингисхана Джучи, который должен был вести монгольские войска дальше. Однако Джучи умер в один год с отцом (1227). Его сыну, Бату (в русской транскрипции Батю), внуку Чингисхана, предстояло огнем и мечом пройти со своим войском до Дуная, сокрушая все на своем пути.

Бату-хан вел на Русь от двенадцати до четырнадцати туменов, общая численность их составляла около ста пятидесяти тысяч человек. Русские княжества могли выставить против них около ста тысяч воинов при условии, что князья сплотятся перед лицом общего врага и создадут по примеру завоевателей одну – сильную и дисциплинированную – армию под началом одного князя. Но русские дружины к началам такой централизации не были готовы, они привыкли подчиняться (да и то не всегда и не в полной мере) «своим» князьям. А князья, будь у них побольше времени на выяснение своих отношений, наверное, до самого последнего часа мерились бы честью и славой. Хроника нашествия страшна той стремительностью, с какой Батухан прошел по Руси огнем и мечом.

Хан Батый. Китайский рис. XVII в.

21 декабря 1237 года после десятидневной осады пала Рязань, так и не дождавшись помощи ни из Владимира, ни из Чернигова.

4 января была сожжена Москва после страшной сечи под Коломной, которая длилась три дня. Остатки русского войска во главе с молодым князем Всеволодом Георгиевичем, присланным отцом на помощь Москве, бежали во Владимир, где, только увидев их и выслушав их рассказы, великий князь Георгий смог понять всю огромность и безысходность беды, навис-

шей над Русской землей. Он оставил княжичей Всеволода и Мстислава оборонять город, а сам спешно двинулся на север собирать новые дружины.

Взятие монголо-татарами Владимира

3 февраля отряды Бату-хана подошли к Владимиру. Со страхом смотрели владимирцы со стен города. Была зима, но снега за городскими стенами они не увидели. Кругом были всадники, юрты, обозы – черным-черно. Монголо-татары неспешно и деловито приступили к осаде города. Часть их войска отправилась в Суздаль, захватила и разорила его. Стариков, детей и немощных перебили, а несколько тысяч «юных монахов и монахинь, и попов, и попадей, и дьяконов, и жен их, и дочерей, и сыновей – всех увели в станы свои». Нагих, босых, коченеющих от зимней стужи их водили под стенами Владимира, чтобы устроить осажденных.

7 февраля 1238 года погиб прекрасный город, краса и гордость земли Русской, стольный град Владимиро-Суздальской Руси, с верой и любовью создававшийся святым Андреем, великим Всеволодом и его преемниками. Обгорелые каменные стены Успенского, Димитриевского и Рождественского соборов, Золотых ворот, Спасской и Георгиевской церквей на княжеских подворьях да Вознесенской церкви на торгу высились над громадным пепелищем, которое всего несколько дней назад было великим городом. Такой же участи подверглись четырнадцать городов Ростово-Суздальского и Рязанского княжеств.

4 марта пришел черед великого князя Георгия и русской дружины, спешно собранной им в северных областях, погибших в последней битве на берегах Сити. В страшной сече великий князь Георгий Всеволодович был зарублен монгольским конником. Голова его, по преданию, была поднесена в дар Бату-хану.

1239 год. В руины превращены Чернигов и Переяславль-Русский.

1240 год. Златоглавый Киев, вожденная мечта русских князей, превратился в пепелище, заваленное трупами, которые несколько лет лежали непогребенными, ибо погребать их было некому.

Древняя Русь застыла над бездной небытия.

Иго

Ранней весной 1238 года по зимней еще дороге к Владимиру (вернее, к тому, что было когда-то Владимиром, цветущей столицей Владимиро-Суздальской Руси), спешно скакал небольшой отряд с князем во главе. Это был четвертый сын Всеволода Большое Гнездо Ярослав. Картины, сменявшие одна другую, могли бы лишить мужества и желания княжить на этой земле любого другого человека, но не Ярослава. Пепелища, непогребенные трупы, обезображенные хищниками, безлюдье... Такой Руси ни Ярослав и никто из русских князей никогда не видывали. И у любого другого, наверное, опустились бы руки и зашлась от горя и отчаяния душа. «Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупами, – пишет Н.М. Карамзин. – В таких обстоятельствах государь чувствительный мог бы возненавидеть власть; но сей князь хотел славиться деятельностью ума и твердостью души, а не мягкосердечием»⁴.

Б. Чориков. Вел. кн. Ярослав после разорения татарами Руси возобновляет города

И князь Ярослав принялся за дело, не рассуждая и не мешкая. По его приказу собрались оставшиеся в живых, до тех пор жавшиеся к лесам люди. Хоронили убитых, расчищали дороги, рубили избы, пекли хлебы, налаживали общественную жизнь. Неутомимый, деятельный, решительный, он не оставлял ни людям, ни себе времени на отчаяние и сомнение. Начал Ярослав с того, с чего начинали на Руси во все времена, – с восстановления храмов. Дело продвигалось быстро, и уже на следующий год Ярослав Всеволодович смог отдать последний долг старшему брату, которому он всегда был верным другом и помощником. Он перенес его останки в обновленный Успенский собор. Встречали гроб с останками князя-мученика всем городом, церковные песнопения заглушались плачем и рыданиями – казалось, прощались не только с князем Георгием, но и со всей прошлой жизнью, в которой было много неправды и зла, но которая теперь казалась несбыточно прекрасной. При положении святых останков во гроб случилось чудо, которое все приняли как небесный призыв к бодрости духа и упованию на милость Божию. Когда полагали тело в каменный гроб, приложили к нему и голову, отсеченную мечом, которая была найдена уже после погребения Георгия Всеволодовича, – и голова приросла к телу (рассказ летописца нашел неожиданное подтверждение в акте о вскры-

⁴ Карамзин Н.М. Предание веков. Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». М., 1988. С. 274.

тии мошей, происходившего 13 и 15 февраля 1919 года: «У великого князя Георгия, убитого в бою с татарами... в котором ему была прочь отсечена голова, последняя оказалась приросшей к телу, но так, что можно было заметить, что она раньше была отсечена, так что и шейные позвонки были смещены и срослись неправильно»⁵).

Князь Ярослав первым из русских князей отправился в ставку к Бату-хану и принял из его рук ярлык на великое княжение. Это был первый знак ига – тяжелейшей политической и экономической зависимости от завоевателей, которая в ближайшие годы установится над Русской землей на два с половиной века. Князь Ярослав был человеком волевым и мужественным, двадцать лет он успешно защищал западные границы Новгородского княжества от агрессии западных соседей. Для такого человека добровольно склонить голову перед Бату-ханом, наверное, было нелегко. Но трезвый ум политика и патриота подсказывал иное решение: ради спасения того, что уцелело от Владимирской Руси, поступиться личным и сделать все возможное, чтобы сохранить ее государственное устройство, самобытность, территорию и людей, оставшихся после нашествия. Ярослав Всеволодович был Божиим избранником, промыслительно сохраненным на этот страшный час. Ведь как иначе объяснить его казавшееся современникам странное решение уйти в Киев в 1237 году? Он ушел туда, чтобы, воспользовавшись очередной сварой южных князей, попытаться усилить там влияние Владимиро-Суздальского князя. А спустя год стало ясно, что Господь хранил его на черный день Руси.

Бату-хан был умным и проницательным человеком, он понял и оценил поступок Ярослава Всеволодовича и принял его с честью – ему нужен был сильный и вполне легитимный вассал, который будет править завоеванной страной по его ханской воле. А для самого Ярослава и всей земли Русской было важно то, что править фактически будет природный русский князь, старший в роде Мономаховичей, законно владевших Владимиро-Суздальским княжеством, а не ханский ставленник. Поставление на великокняжеский стол Ярослава Всеволодовича было первым радостным событием после разгрома, что особо было отмечено в русских летописях. Однако правил Ярослав Всеволодович недолго. В 1246 году он был отравлен на обеде у вдовы великого хана Хубилая Туракины-хатун в далеком Каракоруме, куда был вызван по ее приказу в 1245 году.

Дело Ярослава Всеволодовича продолжил его старший сын – Александр Ярославич, святой благоверный князь Александр Невский. На его долю выпала сложная задача, требовавшая максимального напряжения всех его сил, духовных и физических. В трудные годы, когда формировалась система управления «Русским улусом», ему пришлось проявить свой недюжинный ум, проницательность, дипломатический талант, чтобы обеспечить автономность Руси, предотвратить расселение на русских просторах завоевателей. Ведь только в условиях самостоятельности, хотя и сильно ограниченной, можно было сохранить устоявшийся государственный строй и народный уклад жизни. С этой задачей он справился блестяще, но прежде ему предстояло сделать выбор – главный выбор в истории России: пойти на союз с Ватиканским престолом или внешне подчинить Русь монголо-татарским завоевателям, но сохранить государственность Руси и православную веру как духовный фундамент, основу ее жизни.

---

⁵ Цит. по: Лазарева Н.Ю. «Непобедимые сопротивными силами»: Судьба святых мошей русских угодников Божиих в XX в. // Даниловский благовестник. 1998. Был. 9. С. 29.

Вел. кн. Александр Ярославин Невский. Рис. из Титулярника 1672 г.

Чего потребует Римский папа взамен военной и политической помощи против завоевателей, было хорошо известно на Руси. В 1204 году с молчаливого одобрения папы Римского крестоносцы захватили Константинополь. Православные храмы были осквернены и разграблены, христианские святыни вывезены в Рим, уничтожены памятники искусства, дома православных христиан разграблены, православные монахини, девушки и женщины из православных семей разделили участь рабынь. Затем наступил черед Святой Горы Афон, которая была передана в юрисдикцию Католической Церкви. Более четырехсот повозок со святынями и ценностями отправлены в Рим. Римляне хозяйничали в сердце православного монашества более полувека. Православных епископов принуждали к унии с Католической Церковью, которая, в конце концов, была заключена в 1274 году.

На Руси о «подвигах» крестоносцев было известно, а колонизация прибалтийских земель шведами и немецкими рыцарями оставила в памяти народной рассказы о чудовищной жестокости, с какой «просвещенные» европейцы обращали в католичество местное население завоеванных земель. После Батыева нашествия, обескровившего Русь, шведы приступили к организации «крестового» похода против «схизматиков». Святой Александр Невский оказался перед лицом консолидированной мощи католического Запада. Победы на Неве и Чудском озере отрезвили новоявленных «крестоносцев», но Александру Ярославину во все время своего княжения приходилось «держаться порох сухим» и не раз принимать бой с западными агрессорами за свои земли. Поэтому он не последовал примеру некоторых русских князей, однозначно державшихся прозападной ориентации, а избрал свой путь – хранения веры православной и родной земли от западных агрессоров. Этот выбор чеканными строками отлился на страницах летописей в ответе святого Александра папским легатам, приехавшим в Новгород склонять его к союзу с Римским престолом: «Слышите, посланницы папжестии и прелестницы преокаянные! От Адама и до потопа, и от потопа до разделения язык, и от разделения язык до начала Авраамля, и от Авраамля до приития Израилева сквозь Чермное море, а от начала царства Соломона до Августа царя, а от начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресения Его, а от воскресения Его и на небеса вшествия и до царствия Великого Константина

и до первого собора и до седьмого собора: сия вся сведаем добре, а от вас учения не принимаем!»⁶.

Г. Семирадский. Александр Невский принимает папских легатов

Это и есть главный подвиг святого Ярославича, это и есть та святая минута, когда решилась судьба России у Престола Божия: взамен шаткой надежды на папскую помощь Россия за верность свою истинной вере обрела Союзника и Помощника, Который сильнее и могущественнее всех земных владык, Который никогда не отступит, никогда не изменит, никогда не отнимет Своей благословляющей десницы, доколе мы сами не нарушим священной клятвы Александра.

А с монголо-татарами пришлось вести длительную и изнурительную дипломатическую борьбу за смягчение требований, которые великий хан Менгу-Тимур и золотоордынский хан Берке предъявили великому князю Владимирскому. Оба хана были сторонниками установления жесткого режима управления завоеванной территорией. О том, какие требования предъявили ханы, летописи ничего не сообщают, но, судя по тому, что переговоры эти тянулись в течение четырех лет, с 1253 по 1257 год, Александру Ярославичу пришлось нелегко. Результатом переговоров было установление размеров налогов и пошлин, для чего понадобилась подушная перепись населения. Причем непременным условием завоевателей было включение в перепись и населения Новгорода, который не был завоеван Бату-ханом. Насколько сумел Александр Ярославич смягчить требования ханов, мы не знаем, но в том, что дипломатическая борьба была острой, сомневаться не приходится. Каждая новая уступка хана требовала больших трудов и, добавим, огромных средств, но Александр Ярославич не щадил ни себя, ни казны. Он воодушевлен был одним стремлением, одной целью – не допустить полного поражения Руси, расселения по ее территории завоевателей, разрушения всех устоев народной жизни и государственного правления.

Дань, которой подушно было обложено все население, – так называемый ордынский выход – была тяжела и не оставляла никакой возможности для развития хозяйства, а подчас и просто для выживания. По расчетам некоторых современных историков, предельная плата, которую мог получить работник за год, составляла 1 рубль («рубленая» половина серебряной гривны весом 154 г), а ордынский выход взимался в размере от полтины до двух рублей с чело-

⁶ Цит. по: Великий князь Александр Невский. Л., 1992. С. 160.

века. Кроме того, были и другие повинности: ямская, содержание ханских послов, торговый сбор и т. д. – всего 13 видов⁷. Поначалу дань собирали специальные чиновники – баскаки, но вскоре монголо-татарские завоеватели почли за благо поручить это русским князьям, так как начались стихийные восстания обираемого баскаками населения. Завоевателям это было и удобно, и выгодно, но для простых людей это обернулось повышением налогов – князья никогда не забывали своих интересов.

Орудием политического контроля над завоеванной территорией служила установившаяся практика получения в Орде ярлыков на княжение. Выдача ярлыков стала еще и средством сохранения разобщенности русских князей. На Руси утвердилась позорная практика доносительства и подкупа, которые поощрялись завоевателями и вполне вписывались в их модель управления завоеванными народами и территориями по принципу: разделяй и властвуй. Не к чести русских князей будь сказано, большинство из них очень скоро проторили дорогу в Орду и не скупилась ни на наветы на соперников, ни на подарки ханским чиновникам и самим ханам. Это препятствовало объединению сил русских княжеств для борьбы с завоевателями и еще больше увеличивало экономический гнет на население. Нередко сами князья «наводили» на Русь татарские рати, приглашая их на помощь в своих междоусобных войнах.

Средством удержания народных масс в повиновении был все тот же страх, который сковывал и испепелял душу, лишал ее надежды на будущее, истреблял все лучшее, что было в человеке. Страх и рабская покорность судьбе, ослабление веры, разрозненность, снижение нравственно-этических норм в отношениях между людьми – это был невещественный, но реально ощущаемый итог установившегося ига. Целое поколение людей, переживших Батыево нашествие, а затем и следующее за ним были морально изувечены этим страхом и беспросветным унынием. Душа народная была тяжело больна, и требовалось поистине Божественное врачество, чтобы ее исцелить.

В этом беспросветном мраке присутствовал с виду малый, но на поверку оказавшийся самым важным и самым главным фактором в дальнейшей русской истории просвет. В идеологическом устройении Монгольской империи одним из коренных принципов была широкая веротерпимость. Непременное уважение к чужой вере и строгое наказание за оскорбление чувств верующих были прописаны в основном законе империи, написанном Чингисханом, – «Великой Лесе». Церковь русская пользовалась широкими правами и даже была освобождена от поборов. Церковь звала к покаянию и исправлению жизни, собирала вокруг себя Русь и трудилась ради будущего ее освобождения. Одним из первых к покаянию и исправлению жизни стал призывать монах Киево-Печерского монастыря, а впоследствии епископ Суздальский и Нижегородский Серапион. «Кто же нас до этого довел?» – восклицал владыка Серапион. И с горечью перечислял грехи, которыми болел русский народ: ложь, клевета, грабежи, разбои, сквернословие, прелюбодейство, зависть, злоба, ненависть, жадность, лихоимство, несправедливые суды, ростовщичество и проч. А противоядием от этой смертельной болезни может быть только любовь, заповеданная Богом: «Владыки нашего самая важная заповедь – любите друг друга, милость имейте ко всякому человеку, любите ближнего как самого себя. ... Всегда пребывая в любви, спокойно мы заживем». Сто лет звучали эти призывы со всех амвонов, пока в радонежские леса для уединенного подвига служения Богу всей своей жизнью не пришел юноша Варфоломей, который вскоре стал иноком Сергием. ...

Преодоление тьмы

Зачем мы начали свой рассказ о преподобном Сергии с событий, столь отдаленных от времени его рождения и никак, казалось бы, не связанных с его жизнью и подвигом? Затем, что

---

⁷ См.: *Перевезенцев С.В.* Россия. Великая судьба. М., 2005. С. 243–244.

без краткого и даже несколько схематичного описания того бедствия, которое постигло Древнюю Русь, нам никак не понять всей громадности того дела очищения и исцеления народной души, которое более полувека тихо и неприметно творил Троицкий первоигумен. А без него не было бы ни Куликовской битвы в 1380 году, ни «стояния на Угре» сто лет спустя, обозначившего окончательное свержение монголо-татарского ига, ни самого Государства Российского, созданного народом, обретшим национальное самосознание и национальный характер в ходе борьбы с иноземными завоевателями.

Видный современный историк Сергей Перевезенцев в своем обширном труде «Россия. Великая судьба», посвященном поиску смыслового содержания русской истории, то есть ответу не только на вопросы «как?» и «почему?», но и на главный вопрос «зачем?», пишет о том, что «русского человека не удовлетворяют просто победы», о том, что «в русском представлении победа может только тогда считаться истинной и полной, если эта победа – **духовная** (*выделено С. Перевезенцевым*).

А в чем смысл духовной победы? – пишет историк. – Дело в том, что духовная победа – это победа не над внешним врагом, а над собой. Иначе говоря, смысл духовной победы – в преодолении собственной слабости, собственного страха, собственной греховности. Духовная победа свершается тогда, когда человек преодолевает самого себя и таким образом возрастает над собой и, как следствие, в духовном смысле оказывается сильнее даже выигравшего сражение врага внешнего. Да ведь и сама духовная победа одерживается не над иноземным врагом, будь то немецкий рыцарь, ордынский воин или японский самурай, а над самим врагом человеческим, тем врагом, с которым и должен бороться всякий человек внутри самого себя. Преодолей врага в себе – вот такая задача решается в ходе духовного подвига. И тогда этот духовный подвиг воодушевляет современников, служит им и потомкам живым образцом поведения.

Так вот, каждая русская «оборона», пусть и закончившаяся, так сказать, физическим поражением русских ратей, – это на самом деле великая победа русского духа. **Победа преодоления самого себя, преодоления врага в себе** (*выделено С. Перевезенцевым*). Ибо – «погибаю, но не сдаюсь!». Ибо – «Сам погибай, но товарища выручай!». Ибо – «За други своя, за землю Русскую!». И каждая непреодоленная врагом человеческим русская духовная крепость ложилась и ложится в основу крепости всего национального сознания, свидетельствуя о неизменной верности русских людей избранному ими когда-то направлению движения по историческим дорогам: из тьмы истории – в Вечность. <...>

Это понимание сущности духовной победы тем более значимо, когда мы говорим о русской истории XIII–XV веков, того периода, когда на Русскую землю опустилась тьма ордынского ига. Ведь, по сути дела, все двести пятьдесят лет монголо-татарского владычества на Русской земле были временем «великой обороны», а значит, и временем великой духовной победы, которая и подготовила победу реальную – освобождение, спасение Руси. <...> Поэтому, несмотря на все страдания, которые пришлось перенести нашим предкам, эти двести пятьдесят лет не стали только темным временем. Нет, **это были столетия укрепления русского духа, столетия духовного подвига, столетия, подготовившие и выковавшие русский характер, русскую веру и русскую святость. Это были столетия, когда воистину родился православный русский народ, осознавший свое предназначение на Земле** (*выделено С. Перевезенцевым*)»⁸.

К этим словам можно добавить только то, что над этой духовной победой трудился целый сонм святых Божиих, трудилась вся Церковь Божия, трудился народ Божий, и бесспорным вождем их был смиренный Троицкий игумен, укрывшийся со своей малой обителью в радонежской глуши, – преподобный Сергий Радонежский.

⁸ См.: Перевезенцев С.В. Россия. Великая судьба. М., 2005. С. 243–244.

От святого кормя

Соборному разуму Церкви известно, что великие святые, которым в своем земном служении надлежит совершить особое служение, являются по воле Бога в том или ином месте, где созрела необходимость исправить пути развития, привести их в соответствие с Промыслом Божиим. Обстоятельства появления на свет таких святых тщательно подготавливаются: неслучайным становится ни место рождения, ни супружеская чета, которой доверяется воспитание будущего подвижника, ни сама дата рождения. Все оказывается исполненным особого духовного смысла, внимая которому пытливый разум человеческий учится постигать волю Божию, свершившуюся в служении святого. Нередко родителям еще до рождения чада дается в благодатном видении уразуметь его особое предназначение на служение Богу. Такие случаи известны нам по житиям святых. Рождение и первые годы (и даже месяцы!) будущего Игумена земли Русской были отмечены явными знамениями его предназначения к высокому подвигу служения Святой Троице.

Преподобный Сергий родился в Ростове Великом, одном из древнейших городов России: впервые он упоминается в летописи под 862 годом. Избрание Ростова родиной будущего великого святого никак нельзя считать случайным, так как этот город с полным правом можно назвать городом начала русской святости – здесь просияли в подвиге первые святые Северо-Восточной Руси, началась монашеская жизнь в этом далеком от южно-русских центров крае и просветительская деятельность.

Ростовская кафедра была основана в 991 году, на третий год после крещения Киевской Руси в водах Днепра. Успенский собор в Ростове был построен – первоначально из дерева – в 991 году (первый каменный храм был выстроен в 1164 году и после обрушения возобновлен в 1231 году, ныне существующее здание храма было построено в 1508–1515 годах).

Первый монастырь, посвященный Богоявлению, был создан преподобным Авраамием в конце XI века на том месте, где сокрушил он языческого идола Велеса крестом, врученным ему в дивном видении апостолом Иоанном Богословом. Из усадьбы родителей преподобного Сергия с окрестных взгорков хорошо видны были крест и глава Богоявленского храма, основанного преподобным Авраамием на том месте, где явился ему любимый ученик Христов.

Всем ростовским детям непременно рассказывали о преподобном Петре, царевиче Ордынском, принявшем Святое Крещение в Ростове и основавшем здесь монастырь во второй половине XIII века, и о чудесном явлении в 1314 году (в год рождения преподобного Сергия!) ростовскому епископу Прохору иконы Пресвятой Богородицы на реке Толге.

В 1164 году были обретены святые мощи первого святого Северо-Восточной Руси – святителя Ростовского Леонтия, которому после неудачных попыток нескольких предшественников удалось крестить основную часть местного населения. При жизни преподобного Сергия в Ростове почитали трех Ростовских святителей – Леонтия, Исаию и Игнатия. Всенародной любовью пользовался святой благоверный князь Ростовский Василько – Василий Константинович, возглавлявший ростовскую дружину в битве на Сити и жестоко убитый монголо-татарами за отказ служить им и верность вере Христовой. На поклонение первым святым, просиявшим в северном крае, стекались богомольцы из ближних и дальних городов и весей. Ростовцы не начинали никакого большого дела и не отправлялись в дальнюю дорогу, не поклонившись святым мощам своих небесных заступников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.